

Simpozij OBDOBJA 42

Nadežda Starikova

Тема «вычеркнутых» в современном словенском романе: эмпатический дискурс

objavljeno v:

Andraž Jež (ur.): *Slovenska literatura in umetnost v družbenih kontekstih.*

Obdobja 42. Ljubljana: Založba Univerze v Ljubljani, 2023.

<https://centerslo.si/simpozij-obdobja/zborniki/obdobja-42/>

© Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, 2023.

Obdobja (e-ISSN 2784-7152)

Univerza v Ljubljani
Filozofska fakulteta

ТЕМА «ВЫЧЕРКНУТЫХ» В СОВРЕМЕННОМ СЛОВЕНСКОМ РОМАНЕ: ЭМПАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Nadežda Starikova

Institut slavjanovedenija RAN, Moskva
nstarikova@mail.ru

DOI:10.4312/Obdobja.42.183-189

Prispevek se osredotoča na literarno refleksijo slovenskih prozaistov o aktualnem problemu sodobne slovenske družbe, povezanem z usodo »izbrisanih«, tj. oseb z jugoslovanskimi potnimi listi, izbrisanih iz registra stalnega prebivalstva Slovenije po razglasitvi suverenosti. Polona Glavan in Dino Bauk v romanih *Kakorkoli* (2014) in *Konec. Znova* (2015) skušata z verbalizacijo empatičnega doživljanja rušiti stereotipe, ki obstajajo v družbi, in interpretirati kolektivno travmatično izkušnjo.

sodobni slovenski roman, empatična izkušnja, problemi »izbrisanih«

This article focuses on Slovenian prose writers' literary reflection on a current issue in Slovenian society: the fate of the »erased« – that is, persons with Yugoslav passports that were removed from the register of Slovenian permanent residents after the proclamation of independence. Through the verbalization of empathic experience in their novels *Kakorkoli* (Anyway, 2014) and *Konec. Znova* (The End Again, 2015), Polona Glavan and Dino Bauk seek to destroy the stereotypes of the perception of the »erased« in society and rethink the collective traumatic experience.

contemporary Slovenian novel, empathic experience, problems of the »erased«

Усиление писательского внимания к последствиям кардинальных политических и социокультурных изменений в жизни общества, «общественно значимым резонансным явлениям недавнего прошлого и современности» (Старикова 2018: 189) – одна из тенденций, наблюдающихся в современной словенской литературе. В поле зрения ряда авторов попадает одно из следствий распада СФРЮ – положение «вычеркнутых»¹, на протяжении многих лет в Словении замалчивавшееся. На постъюгославском пространстве после краха империи Тито процессы миграции населения, характерные еще для 1970-х гг., резко интенсифицировались – жители беднейших республик и краев перед лицом нищеты искали прибежища на более благополучных территориях. В первые годы независимости (в 1991 г. Словения стала суверенным государством) число легальных и нелегальных иммигрантов в ее границах резко возросло. В результате многие так и не сумели полноценно включиться в жизнь

¹ Поскольку слово «izbrisani» – «стертые» в русском языке омонимично, автор в своих работах использует выражение «вычеркнутые».

«принимающего общества», которое, в свою очередь, не достаточно стремилось их к этому мотивировать. При этом для многих переселенцев выход Словении из состава Югославии обернулся утратой «большой родины». До этого отдельные случаи бытового этнонационализма компенсировались тем, что выходцы из других республик ощущали себя гражданами мощного многонационального государства. Однако в независимой Словении статус гражданина СФРЮ перестал быть легитимным, а паспорт СФРЮ действующим. Решить вопрос можно было, лишь подав заявление на получение словенского гражданства в течение полугода со дня провозглашения независимости. Большинство переселенцев так и сделало, однако были и те, кто по разным причинам так не поступил, поэтому 26 февраля 1992 г., когда регистрация документов на ПМЖ в Республике Словении была прекращена, данные таких лиц были удалены из реестра постоянного населения, а они сами лишены возможности получить статус гражданина Словении и всех соответствующих гражданских прав. Таких «вычеркнутых» оказалось чуть больше 25 тысяч, все они, согласно исследованию Я. Дедиц *Diskriminacija v postopkih pridobivanja slovenskega državljanstva*, были «этническими представителями других югославянских народов или родились в смешанных браках словенцев с несловенцами (Dedić 2003: 27). Таким образом, эти обладатели паспортов СФРЮ, включая и тех из них, кто имел в Словении постоянную работу и зарегистрированное постоянное место жительства, в один момент оказались не только вне гражданского и правового поля, но и вне системы социального обеспечения – здравоохранения, страхования, пенсий, т.е., потеряли приобретенное до этого право на постоянное проживание и работу, фактически став иностранцами-нелегалами. Более десяти лет тема «вычеркнутых» оставалась на периферии общественного внимания, вне поля зрения официальных властей и СМИ, а сами «вычеркнутые» оказались в Республике Словении, избравшей демократический путь развития, людьми второго сорта. Лишь в 2003 г. Конституционный суд признал аннулирование права неграждан Словении на постоянное место жительства антиконституционным. В феврале 2004 г. парламентское большинство приняло так называемый «Технический закон о вычеркнутых», возвращающий им права, отнятые в 1992 г., однако два месяца спустя закон был отменен в результате проведенного референдума. Лишь в 2012 г. Европейский суд по правам человека в Страсбурге, наконец, признал акт удаления физических лиц из реестра постоянного населения нарушением Европейской конвенции по правам человека и обязал Республику Словению исправить его последствия. Однако в словенском обществе до сих пор сильно негативное восприятие как самих «вычеркнутых», так и отрицание вины по отношению к ним.

По сравнению с другими актуальными темами, отражающими последствия политических и социокультурных перемен на постъюгославском пространстве (вооруженные конфликты 1991-2001 гг. на Балканах, феномены «югоно-стальгии», «титостальгии», «чефурский» дискурс и пр.) к рассматриваемому эпизоду истории независимой Словении писатели обратились не по горячим

следам, а с некоторой задержкой. М. Юван, связывает такое запаздывание с «амбивалентным положением словенских писателей, которые одновременно выступали как носители критического общественного сознания и национальной идеи» (Juvan 2016: 27). Выступая с критикой демократической власти, всячески скрывающей, что она встала на путь национализма, писатель рискует выйти за рамки своей привычной национально-охранительной миссии и быть не понятным читателем, которого проблематика «вычеркнутых», в отличие от войны на Балканах, в свою очередь, превращает из стороннего наблюдателя в соучастника.

Среди литераторов одним из первых поддержал этих выходцев из других республик бывшей СФРЮ, оказавшихся заложниками внутренней политики и административной системы в независимой Словении, поэт Борис А. Новак: в знак протеста против результатов референдума 2004 г., аннулировавшего «Технический закон о вычеркнутых», он написал сонет *Izbrisani*, и впоследствии затронул эту тему в третьем томе своего эпоса *Vrata nepovrata* (2015–2017). Проблемы «вычеркнутых» в разной степени касаются в своих романах Б. Градишник – *Roka voda kamen* (2007), Г. Войнович – *Čefurji raus!* (2008) и *Figa* (2016), М. Мащини *Izbrisana* (2014). Важными для словенского культурного пространства артефактом стал также спектакль О. Фрлича «25 671»² (2013), раскрывающий неприглядную изнанку бытовой этнонетерпимости словенского общества. От постановки проблемы некоторые авторы начинают шаг за шагом продвигаться в сторону ее возможного нравственного разрешения, используя для этого нарративную стратегию, основанную на эмпатии, – художественную вербализацию сопереживания. Об этом свидетельствуют романы Полоны Главан *Kakorkoli* (2014) и Дино Баука *Konec. Znova* (2015), на что в своей статье *Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana* обратил внимание М. Юван (Juvan 2016: 23). Оба произведения объединяет не только предмет изображения – судьбы «вычеркнутых» и отношение к ним в словенском обществе, но и предлагаемый авторами миметический способ преодоления коллективной травмы и коллективной вины с помощью «эмпатического понимания» (Роджерс 1994: 22), облеченного в художественное слово. Потому что сама «возможность читать или писать о травме приоткрывает для литературы специфический тип опыта, который становится доступен не только терапевту» (Айерман 2013: 122).

В романе *Kakorkoli* акцент сделан на проблеме соучастия и совины, т.е. осознания гражданами Словении своей роли в драме «вычеркнутых». Действие развивается в Любляне первой половины 2000-х гг., когда стихийные протесты «вычеркнутых» трансформируются в организованное движение, к которому присоединяются неправительственные организации и словенские гражданские активисты. Роман составляют две параллельно развивающиеся сюжетные линии, героини которых, старшеклассница Лили и студентка Аля, при трагических обстоятельствах

2 Цифра, соответствующая точному числу «вычеркнутых».

встречаются в финале. Девушки близки по возрасту, но принадлежат к разным социальным группам, о чем свидетельствует тип социолекта каждой. Так, в речи семнадцатилетней Лили, соединяются подростковый сленг и речевые обороты городской периферии, отмеченные маркерами ксенофобской нетерпимости. Аля, (в чем-то alter ego самой Главан) учится в Люблянском университете и говорит «культурно», соблюдая толерантность. У Лили есть взрослый парень, Марс, она беременеет от него и хочет сделать аборт, но тому удается ее отговорить. Действие романа длится около девяти месяцев – срок вынашивания ребенка. За оскорбление иммигранта Марса увольняют с работы, и его окончательно захлестывают ксенофобские настроения.

Устав от виртуального романа с молодым ирландцем Дэвидом, с которым она познакомилась, путешествуя на каникулах по Британским островам, Аля ищет возможности отвлечься, и случайно сталкивается с тринадцатилетним боснийским мальчиком-иммигрантом, Сенадом, семья которого живет в крайне стесненных условиях. Аля неожиданно для себя проникается к нему человеческой симпатией и уважением.

»Kaj bi rad delal, Senad?« sem rekla z glasom, ki se je trudil ujeti enako nevtralnost.

»Tako, na splošno, v življenju?«

Senad je pričakovano obmolknil. Potem se je za spoznanje primaknil proti meni, dovolj, da me je preplavilo napeto pričakovanje.

»Rad bi bil fizioterapevt,« je zašepetal, komaj nad mejo slišnega, a s tako jasnostjo, kot jo lahko narekuje edino stroga odločnost.

Fizioterapevt! sem hotela v navalu navdušenja ponoviti za njim, a me je že pred tem zamolklo zarezalo v grlu. V nasprotju z drugimi trinajstletniki, ki so hoteli postati pevci, igralci, astronauti ali forenziki, ne da bi sploh premogli osnovno idejo o tem, kje začeti, je bila Senadova želja boleče konkretna. Pomislila sem nase pred vsega sedmimi leti, na svet, ki je takrat ležal pred mano dovolj nepregleden in dovolj širok, da je dopuščal morje različnih brezbržnosti. Senadov je bil v primerjavi z njim premica, kjer je bila edina neznanca to, kako daleč lahko po njej prideš. Nasmehnila sem se tako, da nisem bila prepričana, če se je moj obraz v resnici odzval.

»To je pa lep poklic«, sem rekla. »Pomagaš ljudem. Plemenito delo.« (Glavan 2014: 350)

Сравнивая себя с маленьким собеседником, героиня через интроспекцию (перенесение собственных чувств и склонностей на объект общения) меняет первоначальное представление о его личности. Далее включается механизм идентификации: переживание тождественности своего «я» с «я» Сенада, что «способствует установлению эмоционально-чувственного отношения между воспринимаемым объектом и субъектом» (Гаврилова 1975: 151). Помощь способному ребенку постепенно перерастает в социальное кураторство, в итоге чего героиня присоединяется к левым активистам люблянского сквота Рог, выступающим за права национальных меньшинств и «вычеркнутых». На одной из акций на их мирное шествие нападают

радикально настроенные правые националисты, в чьих рядах Марс и Лили. Так, не знакомые до этого друг с другом девушки оказываются лицом к лицу по разные стороны баррикад. Во время потасовки Марс смертельно ранит отца Алиного подопечного, тоже находившегося среди демонстрантов. Для обеих героинь трагическая гибель иммигранта становится потрясением: Лили порывает с Марсом, после родов не хочет видеть свою новорожденную дочку, потому что ее отец – убийца, Аля испытывает чувство вины за то, что позвала немолодого больного боснийца принять участие в акции протеста и, тем самым, невольно подтолкнула его к смерти. Главан напрямую связывает самосознание и тип поведения своих героев и героинь с их социальным происхождением, подчеркивая, что националистическим настроениям больше подвержены социально уязвимые слои словенского общества. Они тоже, по наблюдению М. Ювана, «становятся жертвами популистских решений, пропагандируемых фашизмом, подстроившимся под неолиберальную эпоху» (Juvan 2016: 35).

В романе *Konec. Znova* показаны фатальные для жизни многих тысяч людей последствия государственных политических и бюрократических решений, а отдельно взятая трагическая судьба встроена в историю выживания поколения 1990-х. Главные герои романа – четверо подростков, которых на излете социалистической эпохи связала дружба и рок-музыка, а потом развели время и обстоятельства. Первый – Денис, романтик и книголюб, в 1992 г. оказывается лицом без гражданства: триггером становится несловенское происхождение его отца, усугубленное званием офицера ЮНА. Вид на жительство парня, родившегося и выросшего в Любляне, аннулируют, а его самого высылают в Хорватию, там мобилизуют и командируют на войну в Боснию, где он и погибает. Второй, Горан, с юных лет отличавшийся особой оборотистостью, в независимой Словении становится беспринципным и жадным бизнесменом; третий, Петер, когда-то перспективный студент-гуманитарий, превращается в озлобленного чиновника, бюрократа от культуры. Четвертой в этой компании оказывается американка Мэри, девушка Дениса, в свое время приехавшая в Европу в составе мормонской миссии. Повествование ведется от третьего лица и строится на реминисценциях: Петер, Горан и Мэри, которым уже за сорок, вспоминают времена, когда им было по шестнадцать, из оживающих в их памяти картин юности складывается мозаика короткой жизни Дениса. Все трое подсознательно испытывают чувство вины и стыда перед ним, т.е. эмоционально сопереживают: Горан и Петер, потому что оба были «чистокровными» словенцами и маховик националистических репрессий их не коснулся, Мэри, потому что расставание с возлюбленным произошло так внезапно, что они даже не успели проститься. В эти воспоминания вплетается рассказ о пребывании Дениса в Боснии, отдельные его эпизоды носят достаточно сюрреалистический характер. Так, герой набредает на разрушенное авиаударом здание библиотеки, по которому бродят призраки библиотечарей (очевидная отсылка к городу

Сараево, где руины Национальной и университетской библиотеки Боснии и Герцеговины в глазах всего мира стали одним из символов военной трагедии). Один из них подводит молодого человека к полкам с книгами, написанными хорватскими, сербскими, боснийскими авторами А. Хемоном, Д. Албахари, И. Штиksom, Б. Дежуловичем, М. Ерговичем уже после окончательного распада Югославии, т.е. после смерти самого Дениса. Вообще, для тональности романа характерна нота ностальгии по югославскому культурному пространству, «югославской Атлантиде» (Debeljak 2010: 4), с ее мультикультурализмом и теплотой взаимного общения, причем Баук касается не только литературы, но и музыкальной культуры СФРЮ, включает в текст слова песен популярных югославских рок- и панк-групп, на которых выросли его герои.

В кульминационной сцене романа в воображении автора все четверо друзей снова собираются вместе: трое сорокалетних и навсегда оставшийся молодым Денис. Последней к этому нарративу памяти присоединяется Мэри:

Ko je v prazen prostor vstopila Mary, so bili tam že vsi trije: Denis, Peter in Goran. Denisa je spoznala takoj, bil je skoraj natanko tak, kot ji je ostal v spominu, morda kako leto starejši in nekoliko bolj resnega obraza (ob tej ugotovitvi so se ji v spominu zableščali njeni prvi sivi lasje, ki jih je opazila pred kratkim). Uniforma je seveda bodla v oči. Ni se ji zdel kot nekdo, ki bi jo nosil prostovoljno. Goran je bil očitno starejši, a ne tako drugačen, da ga ne bi prepoznala. Petra pa je spoznala zgolj zato, ker je bil edini logični tretji v tej družbi. Stali so tako kot na tisti vaji benda, ko jih je zadnjič slišala igrati. Vsak v enem od kotov namišljenega trikotnika, ki pa je bil tokrat manjši, njegove stranice so bile krajše od dolžine rok. Tišina, ki je vladala v praznem prostoru, se je zdela nenavadno glasna. Ko je Mary stopala proti njim, ji je v mislih še vedno odmevala melodija pesmi, ki so jo igrali takrat. Kot bi jo slišali tudi oni, so se, ko jim je prišla na korak blizu, ozrli. Pristopila je v tisto, kar se ni zgodilo. Kot v nekakšen zaključek. V krog. (Bauck 2015: 178)

Обращение автора к фантастико-сюрреалистическим элементам – способ вхождения во внутренний мир персонажей, разблокирования и верификации их травматического опыта, попытка реконструкции «нарративной идентичности» (Рикёр 2008: 197). Видения и миражи, замещающие героям реальность, можно интерпретировать как защитную реакцию их памяти на травмирующие воспоминания, на чувство вины и беспомощности перед непоправимостью и абсурдом того, что с ними случилось. Да, они – заложники эпохи, обстоятельств, собственного малодушия. Но читатель, особенно прошедший через катаклизмы 1990-х, возможно, не останется равнодушным к их судьбам: собственный опыт подтолкнет его к сочувствию и сопереживанию, потому что пережитая травма «может вести к встрече с другим через самую возможность [...] прислушаться к чьей-то боли» (Hirsch 2015: 284), стать импульсом к эмпатическому взаимодействию.

Лишение гражданства тысяч ни в чем не повинных людей, по сути, этническая чистка с применением административного ресурса, – безусловно, один из самых болезненных и резонансных эпизодов в недавнем прошлом

демократической Словении. Авторы рассмотренных романов реализуют социально-критический дискурс и этический потенциал литературы для привлечения внимания читательской аудитории к одной из социальных аномалий, правда о которой годами замалчивалась. С помощью вербализации эмпатического переживания Главан и Баук пытаются разрушить существующие в словенском обществе стереотипы восприятия проблемы в целом и образа «вычеркнутого» в частности. Эмпатическая нарративизация травмы «в процессе художественного повествования способствует переработке травматического опыта, преодолению ужаса неизбежного будущего, невыносимого настоящего или травмирующего прошлого» (Адельгейм 2018: 573). Привлекая внимание читателей к злободневному социальному конфликту, Главан и Баук, каждый по-своему, стремятся, как справедливо отмечает в своей монографии *Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja* Т. Вирк, «применить на практике позитивный этический потенциал литературы, ее способность (и мотивацию) к эмпатическому сопереживанию» (Virk 2021: 159). Первый шаг к осмыслению травматического опыта, связанного с проблемой «вычеркнутых» словенскими авторами сделан, но до окончательного преодоления коллективной травмы и искупления коллективной вины еще далеко.

Literatura

- АДЕЛЬГЕЙМ, Ирина, 2018: *Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.)*. Москва: Индрик.
- АЙЕРМАН, Рон, 2013: Социальная теория и травма. *Социологическое обозрение* XII/1. 121–138.
- BAUK, Dino, 2015. *Konec. Znova*. Ljubljana: Beletrina.
- DEBELJAK, Aleš, 2010: *Balkanska brv: eseji o knjizi evnosti jugoslovanske Atlantide*. Ljubljana: Beletrina.
- DEDIĆ, Jasminka, 2003: Diskriminacija v postopkih pridobivanja slovenskega državljanstva. Jasminka Dedić (ur.): *Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja*. Ljubljana: Mirovni inštitut. 23–84.
- ГАВРИЛОВА, Татьяна, 1975. Понятие эмпатия в зарубежной психологии. *Вопросы психологии* 2. 147–158.
- GLAVAN, Polona, 2014: *Kakorkoli*. Ljubljana: Beletrina.
- HIRSCH, Joshua, 2015. Postmodernizm, drugie pokolenie i międzykulturowe kino posttraumatyczne. Łysak Tomasz (ur.): *Antologia studiów nad traumą*. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas. 253–284.
- JUVAN, Marko, 2016: Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana. *Primerjalna književnost* XXXIX/3. 23–42.
- РИКЁР, Поль, 2008: *Я-сам как другой*. Москва: Издательство гуманитарной литературы.
- РОДЖЕРС, Карл Рэнсом, 1994: *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. Москва: Прогресс.
- СТАРИКОВА, Надежда, 2018: *Литература в социокультурном пространстве независимой Словении*. Москва: Индрик.
- VIRK, Tomo, 2021: *Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.